

В. Г. КОРОЛЕНКО

Соб. Россия. 1991.
14 сент. - с. 4.

Из неопубликованных дневников

1 (14) января

Пришла молодая девушка с запиской.

— Откуда это?
— Из Grand Hotel'я, где штаб.
Развертываю и читаю.
«Многоуважаемая Праксovia Никитина и Владимир Галактионович!

Умоляю Вас спасти меня от расстрела. Поспешите. Дни жизни моей сочтены, у меня непристроенные дети. Арестовали меня за то, что гайдамаки приняли крики отчаяния, крики набравшей души на селянском съезде, приняли за агитацию. Устройте, чтобы допросили на суде меня и моих свидетелей. На меня наклеветали мои враги... Если нельзя будет меня совсем освободить, то хоть пускай, не лишая меня жизни, посадят в тюрьму. Со мной сидит студент и крестьянин, говорят, что нас, без допроса и суда при нашем присутствии, расстреляют, обвиняя в большевизме. Прошу поспешить. Искренне уважающая Вас А. Чижевская».

...Сначала все это показалось какой-то странной фантазией. Но затем при расспросах девушки, принесшей записку, — та повторила, что все это верно: в Grand Hotel'e держат арестованных петлюровской контрразведкой, в одном из №№ гостиницы собирается суд и порой — расстреливают.

Мы решили принять свои меры... Grand Hotel — в конце Александровской улицы недалеко от Корпусного сада. Довольно грязная лестница, узкие и мрачные коридоры. На лестнице и в передней толпятся сечевики. Нам с Семенченком указали ход наверх, и затем козак подвел к одному номеру. Мы вошли. Навстречу из-за стола поднялся высокий, молодой человек, с бритой головой и «оселедцем», который, видимо, был все-таки расчесан и расположен над лбом с некоторым старанием. Черты лица — аристократические, манера держать себя не лишена некоторой официальной важности. Мы объяснили, что явились, услышав о том, что здесь есть арестованные, которым грозит военно-полевой суд, в том числе одна женщина.

— Да, есть Чижевская. За нее уже приходила просить старая женщина из Красного Креста... И я уже обещал отпустить Чижевскую, хотя она агитировала на селянском съезде в большевистском смысле и еще, наверное, наделает много вреда.

— Есть еще крестьянин и студент?
— Крестьянин уже отпущен. Что касается студента, то это очень вредный большевик, который сам повинен в гибели многих. Его отпустить невозможно. Его будут судить... А Чижевская будет отпущена.

Я чувствовал себя очень плохо. Задохнулся от волнения и как-то потерял энергию. Выйдя в коридор, я увидел Праксovia Семеновну, а вскоре вышла и Чижевская. Мы вместе вышли на улицу. Чижевская боялась, что ее догонят и застрелят на улице. Мы ее успокоили, и Праксovia Семеновна с Наташей некоторое расстояние прошли вместе с ней. Затем она затерялась в толпе. На улице людей было много.

Только уже дома я вдруг вспомнил: Машенжинов остался, и при разговоре о нем и Римский-Корсаков, и Литвиненко ничего не обещали. Когда я сказал об этом, Праксovia Семеновна заплакала...

4 (17) января

Вчера уже говорили, будто Машенжинов расстрелян. Я сначала не верил. Обещания были так категоричны! Вечером к моему дому подъехал автомобиль. Это приехали несколько дружинников городской самоохранны. Они сообщили, что из тюрьмы экстренно привезены в Grand Hotel четверо «политических», т. е. подозреваемых в большевизме. Двое Щербоных, Ровенский и еврей Куц. Значение этого привоза в Grand Hotel — очевидно: расстреляют. Молодые люди предложили мне услуги автомобиля. Мы с Костей поехали.

Город имеет необычный вид. Всюду движение петлюровских войск, шумливое и беспорядочное. По некоторым улицам движение прекращено. Петлюровцы спешно эвакуируются на Южный вокзал. Мы едем, точно по полю битвы. Самоохранныки по большей части молодежь, студенты-евреи и рабочие, — стоят на приступках и впереди с ружьями на изготовке. Подъезжаем к Grand Hotel'ю. Тут вижу в коридорах и у лестницы полно козак с черными верхами шапок. Легко проходим наверх. Римский-Корсаков не принимает, но выходит Литвиненко и молодой (или очень молодой) офицер, называет себя: Черняев. Фамилия несколько известная: в земскую больницу привозили порой трупы с припиленными на груди визитными карточками: есаул Черняев. Мы объясняем, зачем приехали. Завязывается разговор. Черняев — человек с бледным, нездорового цвета лицом, очень скоро заявляет, что он тот самый, чьи карточки находили на трупах. По большей части это за грабеж. Одного собственноручно застрелил сегодня; он кинул бомбу под ноги казацкой лошади. Тут же показывает и козака: настоящий богатырь с мрачным лицом... Вообще Черняев говорит, что собственноручно застрелил 62 человека... «И знаете, почему? Я был, как все... Но когда я приехал в Ромны повидаться с семьей, то в это время большевики напали на нас, убили отца и мать, а жену... изнасиловали на моих глазах...»

— Да, — говорю я. — Это ужасно. Это были не люди, а звери...
— Я и убиваю зверей...

— Да, но вы забываете, что кое-кто из них может тоже рассказывать что-нибудь подобное. Озверение с обеих сторон и ваши действия, ваша месть только усиливает рост жестокости...

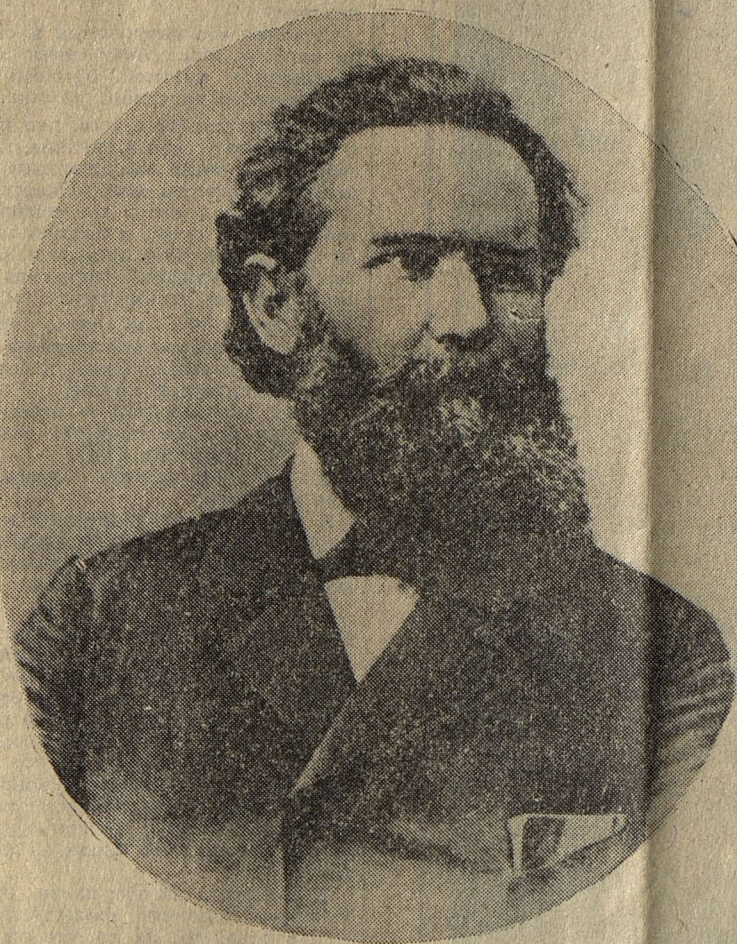
В конце концов они согласились сначала отправить назад в тюрьму двух, потом после некоторых переговоров — всех. Я попросил, чтобы меня допустили в номер, где они содержатся. Меня провели туда. Я объявил заключенным, что их сейчас переведут в тюрьму. Они стали просить, чтобы им гарантировали, что их не расстреляют дорогой и не избьют. Один из них — еврей Куц, страшно избит и произвводит ужасное впечатление. Мы опять вышли, и я взял с Черняева слово, что он даст надежную охрану для препровождения. Он дал слово. Литвиненко опять melancholично вздыхал... На мой вопрос о Машен-

Эти дневники В. Г. Короленко ранее не публиковались. Они хранятся в личном архиве писателя в ГБЛ. Так случилось, что патриарху русской демократии, как называли В. Г. Короленко, суждено было своими глазами увидеть русскую бойню. Он стал свидетелем ужасов и зверств гражданской войны. Трудно было предположить, что вековая борьба демократических сил с самодержавием завершится столь грандиозно и столь кроваво. В публикуемых дневниках Короленко не только зафиксированы с точ-

ностью документа события 1919 года, но и поставлен незримый ряд вопросов, злободневных, как это ни странно, и сегодня.

Ничто не приносит человеку такого знания о жизни, как опыт его народа, отложившийся в книгах лучших его представителей. Дневники В. Г. Короленко — одна из таких бесценных копилка живых впечатлений честного русского интеллигента.

В. И. ЛОСЕВ,
кандидат исторических наук.

ОЗВЕРЕНИЕ

жинове повторил опять, что меня известят о суде... Я успокоился и поблагодарил Литвиненко довольно искренно. В это время Машенжинов уже был расстрелян...

28 февраля (13 марта)

Большой перерыв в записках. Было так много событий и так много хлопот, что записывать было невозможно.

Теперь мы под большевиками с половины января. В их отношении ко мне заметно изменение, может быть, потому, что «начальство» (глава большевистского правительства на Украине) Раковский.

Сегодня в «Известиях Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов» напечатана заметка «Расстрел контрреволюционеров».

«По постановлению уездной Кременчугской чрезвычайной комиссии в ночь на 7 марта во дворе тюрьмы расстрелян бывший начальник карательного отряда Волков и служивший в охранном отделении трамвайный кондуктор Багущин».

Кременчугская чрезвычайка, по-видимому, торопится проявить себя. Полтавская еще не расстреливала, да, кажется, и не будет расстреливать без суда. А здесь просто «по постановлению чрезвычайной комиссии»...

8 (21) марта

Третьего дня и вчера в городе неспокойно. Трещат пулеметы. Говорят, «чрезвычайка» в течение двух часов была в руках левых эсеров. Вся Украина почему-то объявлена на военном положении. Одно время казалось, что большевики укрепляются. Но у нас в Полтаве и под ними почва колеблется. То и дело находятся «благотетели», которые «гораздо лучше знают», что именно нужно народу. И среди них много таких, которые хотели бы устроить кровавый еврейский погром. К чести большевиков, — они решительно против этого. К сожалению, только это объясняется многими тем, что среди большевиков много евреев и евреек...

9 (22) марта

По-видимому, беспорядки у нас подавлены, но всюду есть признаки недовольства... У нас, по-видимому, в крестьянстве растет опасение и недоверие к коммунизму. Сегодня в «Известиях Полтавского Совета» (№ 31) напечатана передовая статья, озаглавленная «Твердой рукой», в которой говорится: «Мы самым беспощадным образом будем очищать Украину от контрреволюции и бандитизма». «Мы не остановимся перед массовыми расстрелами тех, кто будет определенно уличен в контрреволюции и погромной агитации...» «Во время гетманщины и петлюровщины буржуазные журналисты и политики усиленно занимались самой гнусной клеветой и распространением самых диких сообщений о жестокостях и зверствах, творимых в Советской России. Все сознательные рабочие и крестьяне знают, сколько истин в этих сообщениях. Но от чего мы никогда не отказывались и к чему часто бываем вынуждены прибегать, это — красный террор».

В этом именно и обвиняли большевиков. «Массовый террор» с одной стороны, «определенные обвинения» с другой — две вещи несовместимые. Взаимные обвинения в зверствах, к сожалению, одинаково верны для всех.

16 (29) марта

...Мне очень соблазнительно говорить с «товарищем председателем» всех чрезвычайек, но я вижу, что теперь не время. Наш разговор происходит под некоторым давлением спешности. Кроме того я сегодня задышался и в такие минуты не вполне владею собой. Приходится прекра-

тить. Когда я говорю, что теперь мое заступничество пришлось повернуть в другую сторону, — и что Ч. К. могут сравнить только с прежними жан-дармскими управлениями, если бы им было предоставлено право казни, то он возражает:

— Товарищ Короленко. Но ведь это на благо народа!..

..И пылито смотрит на меня.

..Им ясно, что я в это благо от чрезвычайек не верю. Начинается сутелливый разговор...

21 марта (3 апреля)

Вчера в 8 час. вечера вырезана целая семья еврея Столяревского на Трегубовской улице. С ними убит случайно пришедший к ним сторонний человек. Сам хозяин оглушен ударом приклада, но остался жив. Действует кака-то шайка злобных юдофобов-разбойников.

В повстанческом движении заметна ненависть к коммунизму и... юдофобство. «Мы теперь под властью жидов». Они не видят, что масса еврейская разных классов сама стонет под давлением преследования реквизиций и произвола.

22 марта (4 апреля)

Был в чрезвычайке. Впечатление чрезвычайно тяжелое. Барсукова (председателя) нет. Уехал куда-то. Принял меня товарищ председателя. Я сказал, что мне трудно с ним говорить: с председателем мы можем продолжать разговор. С ним приходится начинать. И я вижу теперь, что весь разговор был впустую, хотя кое-что интересное я узнал.

Прежде всего Миргород кем-то уже захвачен. «Там расстреляли 4-х» (кажется) лучших наших товарищей. Кто? — Пока это еще секрет, хотя это известно уже официально... И вы хотите, чтобы мы не боролись, не уничтожали врагов?

— Если бы я был в Миргороде, — более чем вероятно, что я постарался бы встать между расстреливающими и вашими товарищами. Жестокости одной стороны не оправдывают, а только вызывают жестокости с другой...

Все это, очевидно, не задевает сознания этого человека, встревоженного событиями, указывающими на опасность, и я прекращаю разговор. Впрочем, должен еще отметить, что этот молодой человек, по-видимому, искренно не понимает, что такое «гарантии правосудия» и почему они обязательны даже по отношению к «врагам народа»...

4 (16) апреля

23 апреля вечером приехала Дуна (жена писателя. — В. Л.) из Одессы. Рассказывает о безобразиях, которые происходили в Одессе при добровольцах и союзниках. В Одессу съехались все денежное, и наряду с большой нуждой царит безумная роскошь. Тут собрались реакционеры со всей России, тут и наш полтавский Нога, и Гриневич, и Багвут, бывший губернатор, и много, много других. Большим влиянием на союзников пользовался Меллер-Закомельский, который рекомендовал Андро — с прибавкой теперь де-Лянжерон. Этот более чем сомнительный господин (был у нас в Полтавской губернии) и представлял собой для союзников объединенную против большевиков Россию! К союзному командованию ездил делегация с представлением о неубо-бстве такого представительства. Ответ: «Меллер-Закомельский уверяет, что на имени Андро сойдутся все партии». Сойдутся ли они на самом Меллере-Закомельском — большой вопрос. Происходили расстрелы (это, кажется, всюду одинаково), происходили оргии наряду с нуждой, вообще Одесса дала зрелище изнанки капитализма, для многих неглубоко думающих людей составляющей всю его сущность...

Когда Дуна ехала из Севастополя в Одессу (ранее), ей пришлось сидеть в вагоне с «добровольческими» офицерами. Конечно, нельзя сказать, что это общий тон, но тон их разговоров был ужасен. Между прочим, один очень игриво рассказывал, как был взорван мост вместе с поездом большевистского Красного Креста. Рассказчик игриво передавал, как в воздухе мелькали юбочки сестер милосердия. И протестов против этого рассказа не слышалось... Другие поддерживали разговор в этом же роде...

Один рассказывал, как «он» убежал (большевик). «А сапоги на нем были хорошие, — а на мне рваные. Нет, думаю, не убежишь. Целуюсь. Хитер бестия; бежит все зигзагом. Два раза выстрелил, не попал. За третьим разом кувырнулся». Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы — большевики. Большевики — добровольцев... Но озверение проникло всюду.

30 апреля (13 мая)

События опять опережают мой дневник. Я записал не все, что хотелось записать, а уже горизонт меняется.

Вчера пришел ко мне пожилой человек довольно интеллигентного вида и отрекомендовался:

— Леонид Николаевич Алексеев, недавний жилец тюремной камеры № 11. Сегодня выпущен и пришел от своих недавних сожителей по камере с просьбой.

Оказывается, тюрьма переживает тревожные дни. Уже несколько дней носят слухи о близком перевороте. Большевиком на Украине уже изжил себя. «Комуня» встречает всюду ненависть. Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты. Не так давно приехала моя племянница Надя с мужем и девочкой. Муж — бывший офицер, теперь командир артиллерийской бригады, взятый большевиками по набору. Он был на войне адъютантом, теперь сам стал командиром бригады. Его команда любит его. Но недавно набранные для формирования новобранцы отказались повиноваться, не поехали на вокзал и вообще «забунтовали». Кое-как справились без открытого бунта. Солдаты резонно указывают на то, с чего начинал сам большевизм: им надоело воевать, а тут недавно Раковский произнес речь о том, что Украина объявляет войну Румынии, чтобы подать помощь «советской» Венгрии и укрепить мировую революцию! Теперь солдаты отвечают, что более воевать не желают. С них достаточно защищать свою сторону.

Восстание кипит повсюду и главное — деревья вся антибольшевистская, за исключением «коммунистов», которые запугивают остальных население. А тут, говорят, идет и Григорьев, который помог большевикам взять Одессу, а теперь идет против большевиков.

Вот в тюрьме и боятся, что при новом перевороте какая-нибудь банда может вернуться в тюрьму и перебить заключенных.

1 (14) мая

Ночь прошла спокойно. Тревога как будто улеглась. Говорят, что Кобеляки, захваченные Григорьевым, взяты обратно. Несмотря на нерасположение к большевикам — даже «буржуазные» слои населения желают успеха в отражении Григорьева, за исключением, впрочем, элементов черносотенных, ничего не имеющих против еврейского погрома. К вечеру, однако, опять тревога. Говорят, на город идут диаканы. Это дружина, составлявшая одно время «анархистский полк» (на знамени: «смерть жидам и буржуям»). Потом, когда его захотели отправить на фронт, весь полк дезертировал, одно время угрожал городу. Теперь опять. Но, кажется, это пустяки.

Третьего дня я пошел с внучкой прогуляться. Она очень любит ходить к Никольской церкви.

...У перехода через ручеек встречаем группу в 5—6 человек такой молодежи. Я спрашиваю о дороге. Мне указывают, где удобно перейти с ребенком через ручей. Один гимназист, совсем мальчик, лет 16-ти подходит ко мне и говорит:

— Позвольте вас поблагодарить. Я — Иванин, был арестован чрезвычайкой, Вы и Праксovia Семеновна за меня хлопотали.

Вспоминаю. Действительно среди арестованных малолетков был Иванин, задержанный за «антисемитскую агитацию».

— Какое же это преступление вы совершили?

Мальчик оживает.

— Видите ли! Это по доносу одного товарища. Нам запретили учить закон божий. А евреям читают священную историю. Это несправедливо! У нас вышли споры. — Я говорю, — если им можно, то и мы хотим. А если нам нельзя, то и им не надо... Ну, запомним. Один и донес...

1 (14) июня

Впечатление, которое я никогда не забуду!

Недавно, когда я был в ЧК, ко мне подошел молодой человек, сухощавый, довольно интеллигентного вида, назвался Левашовым и попросил позволения зайти ко мне, поговорить с заведующим особым отделом (мне сказали, что мой постоянный пропуск для особого отдела не годится) — мне встретился тот же молодой человек. Он был в туфлях и военных рейтузах, как будто не выспался, вид у него был какой-то вялый, истомленный и ленивый, точно он не спал ночь. Это оказалось... командант чрезвычайки. Он позвал меня в свою комнату со мной кроватью, сказал, что он только что вернулся из деревни, где приобрел масло по 22 рубля (это теперь очень дешево), и предложил поделиться «покупкой». Я поблагодарил и отказался. Затем повторил просьбу о позволении прийти. С ним придет еще заведующий отделом Шипельгас, и тоже ко этому поводу. Оказывается, он тоже склонен к литературе, «писал, знаете ли, статьи и пьесы». Так вот...

Мне показалось так странно, что эти люди, так близко стоящие к расстрелам и крови, могут еще думать о литературе, о стихах и «песках»...